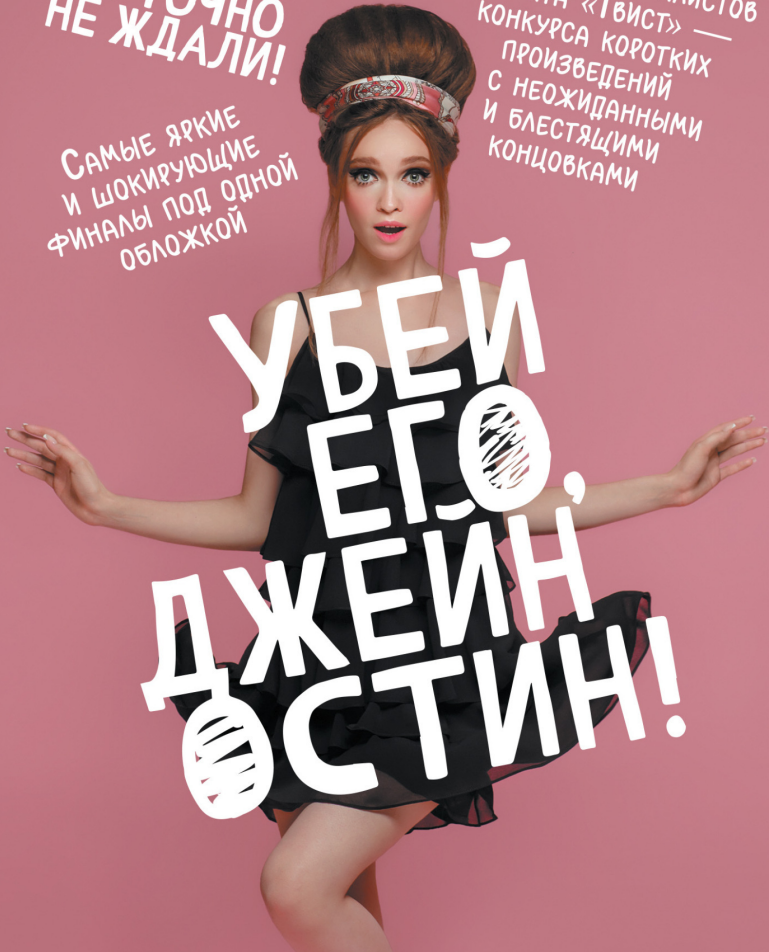

ТАКОГО
ВЫ ТОЧНО
НЕ ЖДАЛИ!

САМЫЕ ЯРКИЕ
И ШОКИРУЮЩИЕ
ФИНАЛЫ ПОД ОДНОЙ
ОБЛОЖКОЙ

СБОРНИК
РАССКАЗОВ-ФИНАЛИСТОВ
ПРОЕКТА «ТВИСТ» —
КОНКУРСА КОРОТКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ
С НЕОЖИДАННЫМИ
И БЛЕСТЯЩИМИ
КОНЦОВКАМИ

УБЕЙ
ЕГО,
ДЖЕЙН
СТИН!

A woman with her hair styled in a large, ornate bun, wearing a black dress and a decorative headband. She is standing with her arms outstretched. Overlaid on her is large, bold, white text that reads "УБЕЙ ЕГО, ДЖЕЙН СТИН!". The text is arranged in four lines, with the first line "УБЕЙ" and the second line "ЕГО," being smaller than the third and fourth lines "ДЖЕЙН" and "СТИН!". The letters "О" in "ЕГО," and "О" in "СТИН" contain a circular graphic element resembling a film reel or a similar pattern.

Коллектив авторов Убей его, Джейн Остин! Серия «Одобрено Рунетом»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69801724

Убей его, Джейн Остин! (сборник): Издательство АСТ; М.; 2023

ISBN 978-5-17-159882-2

Аннотация

Самые удивительные, самые яркие, шокирующе смешные и очаровательно пугающие финалы под одной обложкой!

В этот сборник вошли рассказы из лонг-листа издательского проекта «Твист» – конкурса коротких произведений с неожиданными концовками.

В первом сезоне конкурса участвовало более 350 авторов, а общее количество текстов-претендентов на победу перевалило за тысячу. В результате жюри отобрало двадцать пять прекрасных рассказов как уже издававшихся писателей, так и авторов-новичков. Из них впоследствии был составлен шорт-лист для публикации в виде бумажного сборника.

В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Основная номинация	5
Юрий Вер. Большой куш	5
Светлана Зверева. Агентство «Альтернативный выход»	15
Алёна Алексина. Лишний час	29
Айгуль Кисыкбасова. Домовой	35
Оксана Заугольная. Охота на Бена Ганна	68
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Коллектив авторов

Убей его, Джейн

Остин! (сборник)

© Авторы, текст, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Основная номинация

Юрий Вер. Большой куш

Арон Шапиро. Достаточно произнести имя и не надо много объяснять. Адвокат, тридцать девять лет, женат, сыну семь, достаток выше среднего. Живет в доме за полмиллиона, ездит на «мерсе», по меркам Огайо – богач-богач-богач.

С детства Арон мечтал о подвигах, приключениях, ему хотелось совершить что-то этакое! Прыгнуть в воду со скалы. Войти в горящий дом. Спасти человека. Да просто стукнуть обидчика в нос! В школе такая необходимость была, и не раз, но в нос он никому так и не дал. Не стал героем.

Напротив, за большой нос к нему прилепилось обидное прозвище «шнобель». Буллеры, цеплявшиеся к нему, заслуживали взбучки, но Арон бледнел, краснел и не мог постоять за себя.

Отец Арона работал в крупной юридической фирме. Судьба Арона была предрешена – быть ему юристом. А то, что нерешителен и даже трусоват – это, отец полагал, пройдет. Вот закончит юридический – уйдут и страх, и неуверенность. Власть над людьми и их судьбами меняет человека кардинально.

Все так почти и случилось. К сорока годам Арон стал

успешным адвокатом. Для окружающих он выглядел уверенным в себе профессионалом, но за напускной уверенностью скрывался ранимый и не очень храбрый человек.

Никому, даже супруге, он не рассказывал о своих школьных годах – о страхах и унижениях маленького Арончика. Эти неприятные воспоминания нет-нет, да и возвращались, омрачая ему жизнь.

Недалеко от конторы, где работал Арон, открылся боксерский клуб. Широкие окна клуба лучше всякой рекламы. Зеваки останавливались перед ними, чтобы поглазеть. Арон не стал исключением.

Народ дружно бил по мешкам под ритмичную музыку. По залу бегал рослый черный парень с прикрепленным к уху микрофоном. Он выкрикивал команды и задавал ритм. Арон задержался бы еще, если бы не назначенная встреча с клиентом.

Ему предстояло взяться за сложное дело: врачебная ошибка, в результате – осложнение, больной чуть не ушел в мир иной. Как-то выкарабкался, встал вопрос о компенсации. Если Арон выиграет дело – в его карманах осядет сто тысяч долларов. Все мысли были о работе, но странное дело, новость об открытии клуба прочно засела в его голове.

На следующий день Арон записался в боксерский клуб.

Героика бокса, столь отличная от размеренной жизни

юриста, увлекла его. Он был неутомим, мог окучивать боксерские мешки до седьмого пота. Кочевал из клуба в клуб, постигая боксерскую науку.

Шесть месяцев упорных тренировок внесли коррективы в жизнь Арона. Из домашнего рациона исчезли пицца и куриные крылышки. Старый гардероб пришлось заменить на новый, размером поменьше. Походка Арона приобрела упругость. Плечи развернулись. Подбородок чуть вздернулся вверх. Арон помолодел. Проявляемая им прыть в мужском деле, о которой жена успела позабыть, только-только примирила ее с его увлечением «мордобойкой», как он пришел домой с классическим фингалом под глазом. Этот вечный фиолетово-синий спутник настоящего боксера он умудрился поставить себе сам, налетев на металлическую стойку в спортзале (жена так и не поверила в правдивость истории происхождения синяка – считала, что Арон получил его на ринге).

Все вышеперечисленные «достижения» подвели Арона к мысли, что он созрел для настоящего боя. Он будет драться за все те носы, которые не разбил в школе, и маленький Арончик не будет больше его беспокоить. Он – Арон Шапиро, умный, уверенный в себе человек с приличным счетом в банке. Он победит!

Найти соперника для Арона оказалось делом непростым. Где найдешь такого, чтобы и возраст, и боксерский стаж, то

есть его отсутствие, и весовая категория соответствовали? Тренер Арона – Данкен всех в городе опросил... Мало таких чудаков, чтобы в сорок лет залезть в ринг. Ведь неизвестно, чем эта песня закончится, залезть-то залезешь, а обратно могут и вынести.

Поначалу Данкен думал, что блажь Арона скоро пройдет. Но нет, Арон не отставал – хоть ты тресни, а найди, с кем ему подраться!

Где Данкен откопал соперника – неизвестно. Нашел. Остальное не важно. Джамал – черный дядя глубоко за сорок. С его слов, будучи мальчишкой, занимался боксом. Так вот, он согласился выйти на ринг против Арона за сто долларов. «Но ложиться под него не собираюсь! Надеру засранцу задницу!» – уверенно бахвалился он. Было очевидно, что Джамал вел нездоровый образ жизни: одутловатое лицо, излишний вес и живот выдавали любителя пивка и фастфуда, к тому же он курил.

Арон, когда все это затевал, даже и представить себе не мог, как начнет волноваться. Время текло мучительно медленно, а день боя приближался слишком быстро. Арон не мог сконцентрироваться на работе. Последнее дело (тяжба с госпиталем) шло из рук вон плохо. Все мысли были только о предстоящем поединке. Он представлял себя то победителем, радостно взметнувшим руки вверх, то поверженным, лежащим без сознания на настиле ринга. Арон плохо спал. Просыпаясь среди ночи, он до утра прокручивал в голове

кадры своего еще не состоявшегося боя.

Наступил день матча. На взвешивании Арон был чрезмерно суетлив, нервно смеялся, заговаривал с незнакомыми людьми. Его сильные ноги ослабли, внутри словно все оборвалось, но отступить было поздно. Отказаться было бы еще позорнее, чем проиграть. Пусть даже нокаутом... Теперь ему казалось, что он непременно проиграет нокаутом.

Жена Хенна с сыном Джозефом пришли поддержать его. Арон то и дело выходил из раздевалки и смотрел на семью. Он видел, что Хенне тут некомфортно. Сжав губы, она словно застыла в ожидании приговора, который вынесут ее мужу.

Джозефу, видимо, передалось напряжение матери, – он не вертелся, как обычно, а сидел тихо.

Зал гудел. Выход Арона близился. Подошел улыбающийся Данкен. Несколько разминочных ударов по лапам, защитный шлем, капа, полотенце – все в порядке. В бой.

Арон зашел по ступенькам на ринг, подлез под канаты. Поднял руки вверх и, повернувшись лицом к зрителям, приставным шагом заскользил вдоль ринга, приветствуя публику. Он много раз видел, как это делают именитые боксеры.

Следом на ринг вошел Джамал.

Арон, зная о сопернике, что тот черный, толстый, меньше ростом и старше, представлял его слабаком. На ринге Джамал показался ему огромным, крепко сбитым, уверенным в себе боксером. Арону стало не по себе. Да какое там не по

себе? Ему стало плохо!

Раздался гонг.

Арон от страха побежал на соперника, хотел нанести удар, но словно что-то сковало его руки. Джамал легко ушел в сторону и ударил Арона в голову. Арон зажмурился и снова бросился в атаку. Теперь ему удалось нанести удар, но это скорее походило на толчок.

Народ в зале потешался. Арон пытался сблизиться с Джамалом, войти в клинч, цеплялся за него, будто искал укрытия в его объятиях. Джамал, несмотря на большой вес, удачно маневрировал и доставал Арона одиночными прямыми. Из носа Арона потекла кровь. От полученных ударов он постепенно начинал приходить в себя, скованность и зажатость в движениях исчезала.

«Арон, расслабься. Все хорошо, – в перерыве напутствовал Арона Данкен, останавливая кровь. – Посмотри – он еле дышит, ему тяжело. А ты свеж как огурчик».

К противоположному углу ринга пробралась пожилая черная женщина и начала гневно кричать Джамалу, чтобы тот не смел бить Арона. Это бесплатное шоу забавляло зрителей. Джамал не понимал, почему его родная тетка орет и ругает его за то, что он бьет этого чистенького.

Второй раунд.

Арон уже не был столь закрепощен, он больше не бежал на

соперника, а старался двигаться правильно и наносить удары, как учили, – толку было мало, но это уже походило на бокс.

Хенна сидела, оцепенев от ужаса: «Что, если этот Кинг-Конг покалечит Арона?» Джозеф понимал – его папу бьют, и всех это забавляет. Всех, кроме него и мамы. Он был близок к тому, чтобы расплакаться, но терпел, хотя слезы вот-вот готовы были брызнуть из глаз.

К концу второго раунда Джамал устал, сил хватало только на джебы, которыми он держал Арона на расстоянии. Арон прыгал вокруг соперника и, хотя особых дивидендов это ему не приносило, выглядел активнее.

Соперники разошлись по своим углам. Тетка продолжала шуметь и активно жестикулировать, она даже погрозила Джамалу кулаком, когда тот бросил на нее взгляд. Вот еще! И так нелегко, а тут родная тетка кулаками машет.

Джамал задыхался, его уставшее, заплывшее жиром сердце, казалось, вот-вот остановится, не выдержав нагрузки. Ему так хотелось еще посидеть, ну хоть чуток...

Гонг.

Боксеры сошлись в третьем, заключительном, раунде. Арону, наконец, удалось провести успешную атаку. Он нанес Джамалу несколько неумелых ударов и... попал ему в нос. Да, в нос! Еще и еще раз – прямо в нос! Джамал устал, у него не было сил ни двигаться, ни защищаться, он пропускал уда-

ры один за другим.

Зал ликовал, приветствуя успех Арона. Хенна вскочила, восторженно выкрикивая имя мужа. Люди повставали с мест, заслонив происходящее от Джозефа. Но, глядя на маму, он понимал, что все хорошо, – папа побеждает. Джозеф был горд. Он так любит своего папу – самого сильного, самого лучшего папу на свете!

Прозвучал финальный гонг.

Бойцы радостно обнялись, довольные тем, что этот кошмар закончился. В ноги Арона вернулась сила, он не ощущал больше скованности. Напротив, почувствовал огромный прилив энергии и ощущение полного счастья от того, что все позади, что он это сделал. И главное – он разбил сопернику нос! Этим ударом он покончил со страхами маленького Арончика.

– Победу в этом бою одержал... – ведущий сделал паузу, – А-а-а-рон Шапиро! – и вздернул вверх руку победителя.

Зал шумно отреагировал. «Мой папа победил!» – кричал Джозеф. Хенна радостно махала мужу руками, глаза их встретились. «Я сделал это!» – говорил гордый взгляд Арона.

В раздевалке счастливый Арон обнял Хенну. Джозеф прижался к отцу, обхватив его за ногу:

– Пап, мы пойдем в воскресенье на Индианз¹?

– Конечно.

И в этот момент на Арона снизошло озарение. Он понял, как развернуть судебное дело так, чтобы госпиталь был рад расстаться с миллионом, при этом сохранить свое реноме и избежать более серьезных финансовых потерь. Решение было простым, но, как часто бывает, то, что лежит на поверхности, остается незамеченным. Впрочем, в случае с Ароном, причиной невнимательности, скорее всего, послужила подготовка к боксерскому поединку, поглотившая его целиком.

У Арона приятно екнуло внутри. Он услышал тихий шелест денег, похожий на едва уловимый шум волны в безветренную погоду. Яхта, о приобретении которой Арон давно подумывал, уже готова была показаться на горизонте, как мечты были прерваны стараниями сына, теребившего его за руку.

Арон улыбнулся, потрепал сына по голове и предложил:

– А сейчас мы пойдем в ресторан и назолю всем диетам возьмем по самому большому бургеру, а?

Для Джозефа жизнь вернулась в прежнее русло: «Мама, папа, я – как это здорово! Только бы поскорее уйти отсюда. Шум. Кровь. Одних бьют, другие радуются».

Джамал в другом конце зала раздраженно накинулся на родную тетку:

¹ *Индианз* – бейсбольная команда города Кливленда.

– Ты что, рехнулась? Что за дерьмо ты орала?

Не обращая внимания на грубый тон племянника, явно довольная исходом боя, та радостно прошептала:

– Он ведет дело твоего дядьки – госпиталь судит. Никто не брался, а он взялся, и дело движется... Мы можем получить большой куш – миллион долларов!!! Я тебя, дурака, убила бы, если б ты его покалечил!

Светлана Зверева. Агентство «Альтернативный выход»

Сначала еще ничего: слезы текли по щекам и капали, но Зоя хотя бы молчала. А потом и вовсе все вышло из-под контроля. Наружу из Зоинога рта стали вырываться нечленораздельные звуки, напоминающие вой. Голос неожиданно стал хриплым и низким. Каким-то островком разума, оставшимся нетронутым истерикой, она понимала, что выглядит крайне неприлично и уродливо. Что ведь слезы, и тушь потекшая. Что идет по улице и рыдает в голос. И сопли текут опять же.

Бумажные платочки кончились. Остаток мокрого сопливого комка не помогал, превратился в рваные липкие лохмотья. Зоя сняла шелковый платок с шеи и громко высморкалась в него. Рыдания прервались на время сморкания, но потом возобновились с новой силой.

Прохожие предлагали помощь: «Вам плохо?» Но Зоя отшатывалась.

Ко всему прочему прибавилась икота. Голова закружилась. Икая, Зоя прислонилась к ближайшей стене. Сквозь пелену слез она разглядела дверь, толкнула ее и ввалилась в помещение.

Раздался звук звонка над ее головой. Зоя сделала два шага, нащупала кресло и упала в него. Рыдание и икота накатили новой волной.

– Выпейте воды, – услышала Зоя и увидела, вернее, угадала по силуэту руки с чашкой. – Пейте, пейте. Глоток. Хорошо. Подышите. Та-а-ак. Вдох-выдох. Хорошо.

Зоя хлебнула воды. Поперхнулась, закашлялась. Ее аккуратно постучали по спине.

– Ничего, ничего. Тихонько. Сейчас все пройдет.

Зоей овладели любопытство и желание разглядеть обладательницу голоса, и она начала дышать. Сделала еще два медленных глотка. Сквозь щелочки заплывших глаз различила женский силуэт. Силуэт обошел комнату и сел напротив.

Зоя всмотрелась и увидела прозрачные зеленые глаза. Потом проявилось лицо. Но вся комната была еще в радуге Зоиных слез.

Зеленоглазка спокойно нажала что-то на телефоне. И, наклонившись, сказала в него:

– Мойра Танатовна, два чая номер один. У нас клиент.

К этому времени истерика Зои полностью прекратилась, и она поняла, что «клиент» – это она.

– Нет, что вы! Я случайно здесь, – заволновалась она. Поставила чашку и высморкалась в шелковый платок.

Зеленоглазка протянула Зое коробочку бумажных салфеток.

– Случайностей не бывает. Вы там, где надо быть. Я здесь, чтобы помочь вам.

В эти несколько мгновений Зоя успела разглядеть небольшой офис. Светлый, с серой мебелью, удобными креслами.

И даму напротив. Молодую. С аккуратно убранными русыми волосами, в светлом костюме и неожиданным кулоном в виде мерцающего пламени. На стене над ней висел постер с изображением трех обезьянок, закрывающих лапками глаза, уши и рот.

Дверь слева открылась, и в комнату вплыла невысокая полная тетка с усами.

– Ваш чай, Аида Реевна. Свежий. С марципанчиками. Пожалуйста, – пробасила тетка и зашла совершенно мужским кашлем курильщика.

– Спасибо, Мойра Танатовна. Подготовьте договор номер пять. Да, думаю, пять, – ответила зеленоглазка совершенно невозмутимо.

– Хорошо, минут десять, и будет готово. – Мойра Танатовна составила с подноса чашки и блюдце со сладостями. И, как будто слегка поклонившись, просеменила обратно из комнаты.

«Странно все это», – пронеслось в Зоиной голове.

– Не более чем ваш красный пеньюар. – Аида Реевна как будто ответила вслух на ее мысли. – Нет, я не читаю мысли. У вас прозрачный фирменный пакет, в нем красное белье. Зря. Его обратно не сдать. Это же белье. Оставьте себе.

Зоя вспомнила, как она выглядела на днях перед мужем в этом красном пеньюаре, специально для него купленном, между прочим. Ей казалось, что она еще ничего себе. Что всего-то сорок пять, подумаешь. Ну, весы показывают трех-

значное число, – это тоже, знаете ли, не конец света. А что секса давно нет – так замотались просто, устали. Вот она и решилась.

Дети в лагере на каникулах. Свечи расставлены. Помыто, побрито, где надо. Пеньюар красный.

Муж зашел в квартиру. Она слышала, как он кряхтел, переобуваясь в тапки. Пошел в уборную. Спустил воду в унитазе, помыл руки. И прошел в комнату.

Эту растерянную улыбку Зоя теперь вряд ли развидит. Он испугался. Это был страх. Очень явный страх.

Нет, не такой реакции она ожидала. Думала, что можно возродить прежнюю страсть. И эти секунды, эти эмоции на лице мужа перечеркнули Зоину надежду. Она так и стояла рядом с постелью с бокалом шампанского в руке. Держала его, как растерянная дурочка, всей пятерней. Крепко так сжала.

Закончилось все скандалом. Это потом она поняла, что мужу надо было как-то прилично вынырнуть из липкого страха. Так он ничего лучшего не придумал, как наброситься на нее из-за якобы поцарапанной машины. А была ли та царапина, Зое оказалось не до выяснений, конечно же.

Зоя вернулась в реальность. «Все же странно то, что она ответила на мое мысленное „странно“, а не на пеньюар».

– Давайте лучше познакомимся, – предложила зеленоглазка.

– Зоя Васильевна, – представилась Зоя.

– А я Аида Реевна. Впрочем, вы уже слышали. Мне очень приятно, Зоя Васильевна. Попробуйте нашего чая. Он успокаивает. Это прекрасный сбор. Древний рецепт. Абсолютно безопасен! – поторопилась успокоить Аида Зою, заметив ее подозрительный взгляд.

Но Зоя отпила. Она решила довериться необычному приключению. Это лучше, чем истерика. Чай был не горячий, нежный. Немного терпкий. Зоя отгрызла от марципана кусочек. Она с детства приобрела привычку кушать в минуты расстройств. Как, впрочем, и в минуты радости. Мозг твердо закрепил привычку: чтобы найти силы погасить излишние эмоции, нужно дать организму быстрое удовольствие. Инь-ян, понимаешь ли. Зоя закатила глаза и застонала, не сдержавшись. Дернулась от стыда за вырвавшийся стон и подняла глаза на зеленоглазку. Аида мягко улыбалась.

– Наслаждайтесь. Сладости ручной работы. Почувствуйте нежность южного солнца, напитавшего орехи. Тает на языке. – Аидин голос тоже был сладким, даже приторным.

«Рекламный слоган какой-то, – пронеслось в голове у Зои. – Впрочем, плевать. Вкусно же».

– Вкусно. – Аида продолжала комментировать мысли посетительницы.

«Я в стране чудес, как Алиса. Ну что ж, посмотрим, глубока ли кроличья нора», – подумала Зоя и откусила второй кусок. Еще раз закатила глаза и застонала.

– Прекрасно. Я вижу, вы успокоились. Самое время пого-

ворить и обсудить наши дела, – пропела Аида.

– Наши дела? – открыла рот Зоя.

Но тут же закрыла, откусив еще марципана. Ей стало легко. «Дела, так дела. Наши? Ну, пусть у нас с этой феей будут какие-то дела. Феей? Хм... Ведьмой?»

– Вы пришли сюда в совершенно разбитом состоянии! И это ведь не первый раз, Зоя Васильевна, когда вы плачете! И никто из близких не приходит вам на помощь. – Аида встала и зашагала по комнате. – Вы рыдаете в парке, на работе в архиве, в уборной. Мама совершенно равнодушна к вашим слезам. Муж побаивается любых проявлений ваших чувств. Если он, не дай бог, заметит вашу радость, например, что же будет дальше? Близость? Боже упаси! А дети? А что дети, Зочка Васильевна? Они подростки. Им самое время оттолкнуться от вас, облив вас своим презрением, повоняв напоследок в прямом и переносном смысле этого слова. Они просто вас пока терпят.

– Откуда вы про архив...

– Не о том вы думаете, милая моя, – перебила Аида, подойдя вплотную, наклонилась над вжавшейся в кресло Зоей.

Пламенный кулон качался перед глазами. Уронив несколько марципановых крошек из открытого рта себе на грудь, Зоя смотрела на этот кулон. Потом перевела глаза на лицо Аиды. Теперь она не казалась такой молодой. А глаза светились золотом и даже вроде мерцали – таким же пламенем, как и кулон. Впрочем, скорее всего, он отражался в гла-

зах, создавая такой эффект.

– У вас две попытки суицида! Ой, не надо этого удивления. Это просто логика и опыт. Не более того. – Аида продолжала свой монолог, оттолкнувшись от Зоино кресла. Она резко развернулась, взмахнула руками. Волосы рассыпались по плечам. – И вы об этом никому не говорили. Никому! Да разве можно выдержать такой груз, Зочка Васильевна? Милая моя! Вы себя совершенно не жалеете. Нет, нет. – Аида замотала головой, заметив желание Зои возразить. – Не жалееете! Нет тут никаких оправданий!

Зоя скривила рот. Да, мол, не жалею. Потом тут же подняла брови: а как же быть-то?

– Для этого вы тут, хорошая моя. Суицид – не выход. Во-первых, это социально не одобряемое действие. – Аида села в кресло, завершив свой танец. – Всех самоубийц издревле хоронят за оградой кладбища. Не отпевают! Отказывают в ритуальных обрядах. То есть их и после смерти изгоняют из общества! Но ведь даже самым страшным преступникам дают шанс! Обеспечивают, так сказать, возможность покаяться, молитвой и ритуалами помогают найти душе праведный путь. Помогают! Но не самоубийце. Нет! Только порицание – вот чего достоин бедняга. – Аида закинула ногу за ногу. Манерно взяла чашку с блюдцем. И отпила. – А семья, близкие? Они остаются опозоренными. Да, опозоренными, – убеждала золотоглазка посетительницу, хотя та и не думала возражать. – И этот стыд они несут в своем сердце всю жизнь.

Стараются не поднимать эту тему. Шикают в разговорах на тех, кто смеет упомянуть имя самоубийцы за столом, тем более за праздничным. Они убирают вон его фотографии. Нет, не выбрасывают, прячут в альбомы, коробки. Лишь бы только не на виду! А еще придумывают красивую легенду. Чтобы объяснить: почему. Они же не знают почему. Приходится придумать – травля на работе, нелегкая судьба, несчастная любовь, неизлечимая болезнь, не хотел быть обузой. Много всяких версий, выбирай любую. Но на самом деле эти близкие и травили потихоньку своего любимого. А куда прикажете сливать семейное дерьмо, честно накопленное веками? Так и получается, что что во-вторых – это забвенье. Нет, Зоя Васильевна, нам с вами это не нужно. Я предлагаю вам нечто совершенно противоположное!

Аида откинулась на спинку кресла и замолчала.

В начале пламенной речи Аиды Зоя вспомнила свою последнюю попытку суицида. После того, как мама выставила ее идиоткой на своем дне рождения. И Зоя никак не могла понять, идиотка ли она на самом деле. Или мама хочет, чтобы Зоя так думала. Ей казалось, что она сходит с ума, в голове не укладывались две вещи рядом – любовь и жестокость. Могут ли они быть так близко друг от друга. Хотелось только одного – не быть. Тогда она порезала себе вены старым любимым бритвенным станком мужа, доставшимся ему от отца. Зоя мылась, когда эта мысль посетила ее голову. Она привстала в ванной, дотянулась до станка рукой, поскольз-

нувшись, чуть не упала. Раскрутила бритву, достала лезвие. И резанула им по запястью. Легла удобно в теплую воду. Стало спокойно. Вода розовела. Она подумала, что вот сейчас бы покурить, хотя никогда не курила. Лежала так, пока вдруг ее не осенило, что дети вот-вот вернутся из школы. И именно они найдут ее голой в кровавой ванне. Волна холодного испуга пробежала по всему телу несколько раз. Она представила, как старший увидит ее большую, белую, размякшую в пустой белой ванне с красной полосой. Что он сделает, что испытает? Жестоко. Как жестоко по отношению к мальчикам. Как унижительно для нее. Как мерзко. Фу.

Тогда она вылезла из ванны. Обработала, замотала руку. Ее шатало от слабости. Пришлось выпить сладкого чая, плотно поесть. И стало ослепительно стыдно. От слабости, от суицидальных мыслей. От того, что не смогла довести до конца. Ничего не может! И это не смогла!

Но теперь было легко. Зоя не двигалась какое-то время. Потом приподнялась из недр кресла и откусила марципан. Степень ее ошарашенности не позволяла ей проанализировать происходящее. Она могла наблюдать и кушать, что и делала. Было так уютно от этого чая и марципанчика, от огненного кулона, от трех обезьянок над головой Аиды.

– Есть два способа решения проблемы. У каждого свои недостатки и свои плюсы, – продолжила Аида. – Первый – это работа с психологом. У нас прекрасный специалист Эриния, молодая, но очень талантливая. Ваш случай запущен-

ный, поэтому терапия будет долгой и болезненной. К сожалению, в конце пути я вам не гарантирую счастья, но могу обещать, что вы найдете себя, а это немаловажно. Но скорее всего сепарационные процессы приведут к разводу, а также к конфликтам и возможному разрыву с мамой.

– Развод? Мама? – дернулась Зоя.

– Поймите, Зоя Васильевна, люди из вашего окружения доводят вас до такого состояния. Вы и сами понимаете, что вы на грани. Сколько еще истерик и попыток суицида выдержит ваше бедное тело?

– Нет, мама не виновата! Вы не понимаете, она... У нее тяжелая жизнь, ей столько испытать пришлось. Она только и живет для нас. А муж... Он хороший отец. Плохого ничего от него не видела. Все подруги мне завидуют, какой прекрасный у меня муж... Нет, какой развод... Нет!

– А вы? Вы себе завидуете?

– А что я? Мне хорошо. Живем неплохо. В отпуск раз в год. Дача, машина, квартира. Ну вы скажете. Сколько одиноких маются. Знаю я их счастье, все бы отдали за мою жизнь.

– Так я и предполагала. Хорошо, Зоя Васильевна. Не будем посягать на святость матери и идеальность мужа. Наш вариант – договор номер пять.

Аида взмахнула рукой в направлении двери. В этот момент дверь распахнулась, и в комнату вошла Мойра Танатовна с красной папкой в руках. Она просеменила к столу, положила папку и, поклонившись, вышла.

– Итак, вариант второй. Вот что я предлагаю. Социально одобряемое самоубийство.

Зоя открыла рот и вытаращилась на Аиду. Но та ожидала, даже планировала такую реакцию. Она молчала и смотрела на собеседницу, улыбаясь.

– Что? – выдавила хрипло Зоя.

– Это то, чем мы занимаемся. Социально одобряемые самоубийства. Пять лет жизни, полной заботы и внимания со стороны близких.

– Как?

– Наша клиентская база довольно обширна. Способов много. Они меняются вместе с развитием общества. Вот недавно самым востребованным был договор на самоубийство через алкоголизм.

– А это разве самоубийство?

– Самое настоящее. Человек губит себя зависимостью, не выдержав реальности, скатывается в инфантильность. Обезболивает себя. Потихоньку организм не выдерживает. Инфаркт, инсульт, цирроз печени. Тут есть нюансы: важно не потерять социальный статус, работу и уважение общества, но это предусмотрено нашим договором. Тут у нас строго. Мы следим за соблюдением. Человек умирает раньше потери престижа.

– А почему теперь это не самый популярный способ?

– ЗОЖ. Психология. Прогресс диктует свои условия.

– И что же в этом договоре номер пять?

– Я предлагаю вам, Зоя Васильевна, смерть от сахарного диабета.

Опять немая сцена. Зоя таращится. Аида, улыбаясь, молчит.

– Не пугайтесь, Зоя Васильевна. Взвесьте все за и против. «Против» у вас немного. А мы никуда не торопимся. На кону ваше психологическое состояние, которое уже никуда не годится. Без этого договора у вас выбор невелик: суицид или психиатрическая клиника. А я вам предлагаю расслабиться и получать удовольствие. Исполнение договора – наша работа. По договору обещаю вам пять лет заботы со стороны ваших родных. Пять лет внимания, основанного на их чувстве вины и стыда. Как мы этого добьемся – не ваша головная боль. Обещаю только, что больше не будет слез и истерик, что даже после смерти уважение и гордость за вас будут переполнять ваших близких. Наша агентурная сеть обширна – больницы, социальные и ритуальные службы, ДЭЗы, продавцы, курьеры. Вы не останетесь одна в сложной ситуации. Ну, нюансы после подписи договора.

Аида налила из чайника чая в чашку Зои.

– После подписи?.. – спросила Зоя.

– Зоя Васильевна, у нас все четко, по закону. Подпишем договор. Вышлем инструкции. Не оставим вас одну ни на минуту. Вы сейчас не в состоянии все понять. Вам нехорошо. Если вас что-то не устроит – договор можно расторгнуть.

Обе замолчали. Зоя отпила чая. Откусила марципанчик.

Опять застонала.

«Да пошло оно. Вот оно – волшебство. Этот марципанчик. Этот кулон. Обезьянки эти. Что будет, если я откажусь? Тот же ужас, из-за которого я здесь. Те же истерики. Она права».

Аида кивала в такт мыслям Зои. Эти покачивания баюкали. Тепло и нежность от женщины напротив, от комнаты, чая и кресла укрепили Зою.

– Расписаться кровью? – пошутила Зоя.

– Нет, что вы. Достаточно чернил. – Аида повернула бумаги и протянула ручку. Затем нажала на телефон: – Мойра Танатовна, подарочный набор чая номер один с марципаном.

Зоя подмахнула договор в двух местах. Вошедшая в комнату Мойра Танатовна вручила ей огромный пакет со сладким содержимым. Аида положила в пакет договор. Зою провожали, как близкую подругу. Обнялись. Аида нежно и мягко. Мойра сгребла крупными ручищами и прижала, обдав табачным запахом.

– Ни о чем не беспокойтесь! Сегодня же позвонит наш представитель, пошаговые инструкции на почту. С любыми вопросами пожалуйста ко мне. – Аида махала рукой вслед улыбающейся Зое. – До свидания, до свидания!

Оставшись одни, Аида и Мойра сели напротив друг друга. Аида вынула два бокала из ящика стола, бутылку коньяка, пепельницу. Разлила коньяк. Чокнулись. Аида сделал глоток, а Мойра опрокинула в себя содержимое бокала цели-

ком, закурила.

– Жаль ее, Аидочка. Почему себя не выбрала? Такая баба хорошая.

– Не в этой жизни, Мойрочка, не в этой жизни...

Алёна Алексина. Лишний час

Он и книгу-то эту купил от нечего делать.

Обычно у него все расписано по часам: подгонка протеза, встреча в группе поддержки. В одиннадцать петанк в парке Эсперанс, потом обед с партнерами – и так целый день, изо дня в день. Но в то утро он получил странное сообщение от ассистентки доктора Тома. Всего два слова: «Прием переносится».

Он уже сидел в кофейне, дожевывая последнюю тартинку, внутренне подбирался, готовясь расплатиться и пойти прополоскать протез в туалете – неприятная, но необходимая процедура – как вдруг пришло это сообщение – на какой день переносится? в связи с чем? какая удивительная беспечность, даже бестактность – не сопроводить подобное сообщение извинениями! не сменить ли врача? – и он внезапно оказался владельцем совершенно свободного часа с четвертью.

Ощущение было необычным. Он повертел его внутри, полюбовался блестящими гранями совсем новенького, ничему еще не принадлежащего часа. Добавочная четверть выглядела куском воскресного пирога – крайне для четверга неуместным. Но если дадут, надо брать – эта простая философия не раз выручала его и в более сложных ситуациях. Хотя врача сменить следует. Но он подумает об этом потом.

Выйдя из кафе, он огляделся.

Направо, чуть вниз по мостовой, кабинет доктора Тома. Направо сегодня он точно не пойдет.

В груди зрело предвкушение авантюры. «Или ишемия», – сощурился он.

Не слишком задумываясь, он пересек проезжую часть и вошел в книжную лавчонку напротив.

Книга сразу попалась ему на глаза. Громкая новинка, на-верное. Вся витрина уставлена.

Он отпустил дверь – закачались баннеры на гибких хоботках, в нос ударил свежий запах пластика – и шагнул внутрь. Что ж, книги теперь пахнут совсем не так, как прежде. «Да и сам-то ты уже не такой цветочек», – подумалось ему. Витрина отразила кривоватую ухмылку. Дверь захлопнулась за спиной.

Пока витрина не отразила что-нибудь еще, он торопливо взял с выкладки первый попавшийся щуплый томик: невзрачная однотонная обложка, плохо читаемый заголовок – и имя автора, по странной новой моде, мелким шрифтом внизу. Расплатился картой – досадная оплошность! – с неудовольствием отверг бумажный пакет, полагавшийся к покупке, и с книгой в руках вышел на улицу.

По дороге от дома к кафе он всегда проходил мимо сквера с голубями и пенсионерами и каждый раз фыркал: откуда у людей столько времени – просто сидеть на солнце, жмурясь по-кошачьи? Постепенно теряешь человеческий облик, если

поступаешь так изо дня в день. Не извиняет даже старость. В конце концов, ему – он вдруг мысленно споткнулся – восемьдесят четыре, но у него такой же плотный график, как в сорок.

Однако даже в выверенном графике возможны погрешности. Это вполне извинительно, если происходит по чужой вине. Зато теперь у него была книга и просторный час в придачу, и он легко зашагал к скверу. Что ж, вот и узнаем, каково это – коротать время на солнышке. Сочтем этот час увольнительной.

Он прогулялся туда-сюда, тщательно выбирая скамейку – чтобы не слишком в тени, но и не очень-то на солнце, а главное – подальше от других стариков, чтобы даже запах старости остался в стороне.

Присел вначале формально, на край, будто ждет кого-то. Затем, стыдливо оглянувшись – не смотрит ли кто? – устроился поудобнее и открыл книгу.

Телефон, как всегда по четвергам, стоял на беззвучном, а потому о том, что прошел не один час, он догадался только по странным ощущениям в бедрах – просто перестал их чувствовать.

Он всегда быстро читал. Не терпел тратить много времени на принятие пищи и получение информации, да и роман оказался небольшим. Последние страницы он переворачивал задыхаясь, торопливо загибая уголки то с одной стороны, то с другой. Слова в финале дались ему особенно тяже-

ло, но он сглотнул поднимавшийся по пищеводу ужас и велел себе думать.

Решение созрело быстро. Вынув телефон, он первым делом уточнил кое-что в интернете. Затем, не читая, удалил все полученные за это время сообщения и, порывшись в настройках, быстро стер все, что касалось его жизни: номера телефонов, почту. На мгновение замешкался, взглядевшись в ускользающие из памяти лица на единственной фотографии, затем удалил и ее. Особенно тщательно уничтожил заметки календаря. Затем откатил аппарат к заводским настройкам и только потом выключил. Не без труда выщелкнул сим-карту.

Ох уж эта современная техника, за восемь секунд уже не разберешь.

Разбросав сеть незаметных взглядов, он просканировал возможных свидетелей, затем быстро, но тщательно протер телефон и сим-карту краем легкого шарфа и, в тот же шарф их завернув, не без труда поднялся со скамейки и зашагал к ближайшему мусорному бачку. Там он рассчитанным движением выронил телефон на камень – ах, какая неловкость! – и раздавил его каблуком, а затем поднял – все тем же краем шарфа – и опустил в мусорный бак. Сим-карта скользнула в карман – нужно будет выбросить в другом районе.

Он открыл книгу на первой из загнутых страниц и перечитал описание. Ошибки быть не могло. Заложив книгу пальцем, он по привычке двинулся к метро – и остановился через несколько шагов.

В метро камеры. Они зафиксировуют, как и когда он вошел с книгой в руках. Такси надежнее. И расплатиться наличными. Как удачно, что доктор Тома не принимает карты.

Доковыляв до перекрестка, он вскинул руку, подзывая такси. Нужно будет сменить пару машин, пока добирается до места. Годы работы научили его, что подобные предосторожности лишними не бывают. Вдруг еще удастся уйти.

Привычным жестом он слегка сдвинул манжету, чтобы незаметно глянуть на часы. Как раз успеет забрать «глок» и приехать к шести в центральный книжный.

Он не станет стрелять сразу. Подождет немного.

Убедится, что никто не привел с собой детей.

Послушает автора – удастся ли узнать его голос?

Задаст вопросы.

«Как вам пришла в голову идея этой книги?» – спросит он.

Пусть тот почувствует себя настоящим писателем. Пусть расслабится перед следующим вопросом.

Дальше можно бить кучно.

«Как вы узнали, кто из жертв был убит первым?»

«Откуда вам известно, что именно говорила женщина, когда умоляла не убивать хотя бы новорожденную дочь?»

И, когда тот уже все поймет и, наверное, попытается бежать, можно будет достать «глок» – и перед выстрелом задать последний вопрос:

«Сообщили ли вам, что у мсье и мадам Брессар было не

трое, а четверо детей?»»

Айгуль Кисыкбасова. Домовой

Впервые домовый шепнул о себе в лохматый апрельский день, когда дождливая весна монотонно капала с крыши и мочила хмурых толстых голубей, взявших привычку зимовать на нашем подоконнике до уверенного, уже неотменяемого тепла.

Я слонялась по квартире и с укором косилась на настенные часы. Они ворочали стрелками сонно, медленно, по-стариковски, вредничали и не спешили объявлять вечер, когда мама придет с работы и – я невольно сглотнула – принесет «взятку». Сушки, пряники, вафли. Если повезет, коробку лежалых, покрытых белыми трещинками, но шоколадных – и от того как будто все равно восхитительных – конфет. Вкусные осколки чужих столов, что перепадали усталому участковому доктору от в меру благодарных больных.

Мама всегда говорила о них «больные», никогда «пациенты», и потому в моей голове они ощущались и виделись странно: дрожащими, в бисеринках липкого пахучего пота, с холодными палочками градусников в горячих сухих подмышках. После прихода мамы, после ее шприцов, таблеток, внимательных рук и глаз, желтых коротеньких листков с рецептами, пахнущих надеждой, они распрямлялись, выдыхали, нашаривали тапочки, вставали и шли к своим шкафам, вынимали оттуда простые сласти – для докторской дочки.

Приходя вечером домой с «взяткой», мама особым образом, бережно, ставила свой рабочий пакет передо мной. Я ныряла туда обеими руками по самые плечи, доставала добычу и несла ее на кухонный стол – делить между мамой и мной, шуршать обертками, есть вприкуску к чаю, ни крошки до следующего дня. Однажды в мамином пакете оказался кусок домашнего пирога с капустой, завернутый в застиранное маленькое полотенце. Он был до того вкусным, что казался ненастоящим. Пирог из другой вселенной, в которой еще не придумали разваренных макарон, поджидающих меня каждый день дома – угрюмый слипшийся ком на дне кастрюли.

Но чаще наш вечерний чай был пустым. Дни, целые недели, когда мамин пакет пах только усталой бумагой и недавним дождем. В такие вечера даже лампочки на нашей кухне светили тускло, болезненно, бисеринками липкого пота, и казалось, что до маминой зарплаты – век вековать.

День длился, часы упрямо не разрешали вечер. Делать мне было решительно нечего: Юлька со второго подъезда еще сидела на уроках – вторая, поздняя школьная смена, а Алимусу из пятого увезли к отцу на весь день.

Я поплелась в прихожую, скорчила от скуки пару рожиц зеркалу и заприметила в отражении, за своей спиной, черный хрустящий мамин плащ, висевший на нижнем – едва дотянуться кончиками пальцев, – коридорном крючке.

Плащ пах мамой. Ее кожей, ее руками, немножко лекарствами – эхом маленького кабинета в поликлинике, ее от-

сутствием долгими-долгими скучными днями. Обняв запах мамы, зарывшись в него, я запустила руки в глубокие косые карманы плаща, загадав найти автобусные билетки. Мама никогда их не выбрасывала, копила для меня, с усталой рассеянной улыбкой смотрела, как я, морщась от напряжения, складывая непослушные цифры, высчитываю счастливые номерки, способные исполнить любую, даже самую несбыточную мечту. Например, чтобы папа снова жил с нами. Или чтобы мои волосы плелись мягкими кудрями, как у сестры.

Билетиков не случилось, мама еще не успела накопить. Но в левом кармане плаща я внезапно нащупываю маленький холодный кругляш и, не веря пальцам, вытаскиваю большую, тусклым серебряным бликом по ранту, монету. 50 тенге! Целое состояние, никаких билетиков не нужно! Вот только откуда она здесь? Денежки нам еще не выплатили даже за февраль, а аванс, сказала мама несколько дней назад, озабоченно заглядывая в пустой холодильник, мы вот-вот проедем.

Крепко сжимаю внезапную находку в кулаке. Мысли в голове вдруг делаются веселыми, бойкими, смешливыми, торопятся, толпятся, вьются разноцветными короткими лентами. Сейчас каа-аак пойду в магазин и каа-аак накуплю всего-всего!

Рогалики! Обгрызть сначала сухие тонкие кончики – по дороге к дому, на ходу, так всегда вкуснее, затем разрезать пополам, начинить сливочным маслом и вареньем и съесть с

чаем. Ой, а ведь ни масла, ни варенья нет! Тогда пойти в заставленный цветными сигаретными пачками киоск на большом перекрестке и купить там шоколадных капелек в маленьком золотистом пакетике. Или, замираю от собственной смелости, колбасы! Да-да, вкусной – в белых пятнышках жира, соленой и пахучей колбасы. Она режется тонюсенькими кружками и кладется на толстые куски хлеба. Чтобы сытнее.

Надеваю уже ботинки, тянусь за курткой, но внезапно задумываюсь. Мама могла просто потерять монетку, забыть о ней, и теперь ей не хватает денег на что-то важное. На автобусный билетик, тогда пешком вдоль трамвайных путей, длинными перекрестками, долго, усталыми ногами в истертых мозолистых туфлях, до темноты. А вдруг мама хранила эту денежку на «черный день», о котором все время говорят тетя Лаура и бабушка. Мне страшно хочется узнать, когда он наступит, этот день без света и без солнца, и как он будет выглядеть, и что будут делать люди в полной темноте, но я стесняюсь и не решаюсь спросить.

Наверное, это все же монетка «черного дня». Я со вздохом разубаиваюсь, возвращаю находку в мамин карман и плетусь на кухню – подогреть рожки, чтобы наполнить ими живот, вместо колбасы в белых пятнышках жира.

Мама приходит с работы необычайно рано, за окнами еще видны тополя, плавающие в густом сливочном вечере. Удивляюсь щелканью замков в неурочный час, бегу в прихожую, скорее сообщить новость, которая жжет мне язык.

– Мама, а знаешь, что!.. – кричу я в открывающуюся дверь и тут же обрываю себя. Мама будто бы стала меньше ростом: съежилась, потемнела, сгорбила беззащитно обычно прямую спину. Кажется, что сквозь усталость на ее лице просвечивают невыплаканные слезы, невыдавленная темно-желтая злость.

– Мамочка, что-то случилось? – Искоса гляжу на ее рабочий пакет. Сегодня он тоже, как и мама, сморщенный, пустой, тоскливый, нет ни пухлых карточек, ни вкусных взяток.

– Ты потеряла все карточки, мама? Ты плачешь?

На лице у мамы нет слез, но глаза красные, припухшие, безучастные. Наверное, она плакала, когда шла домой, думается мне.

Мама, наконец, отвечает – бесцветным плоским голосом:

– Я оставила их в поликлинике. Хватит вертеться, дай матери отдохнуть с работы.

Она разувается, бросает пустой пакет прямо на пол в прихожей и, слегка приволакивая ногу с больным коленом, уходит в комнату. Я растерянно остаюсь в коридоре и наблюдаю

за тем, как мама подходит к своей кровати, стягивает куртку, не глядя, бросает ее на стул неопрятной серой кляксой, ложится на кровать – прямо так, в одежде, – и накрывается одеялом с головой. Я мнусь в нерешительности и нарастающей тревоге – что мне делать? И вдруг слышу ее приглушенный голос:

– Ты ела?

– Да, мамочка. Рожки и яичко, чай попила.

– Хорошо. Дай мне поспать пару часов, выключи свет, поиграй на кухне.

– Ты очень-очень устала, да? Больные вредные сегодня?

Мама откидывает одеяло и смотрит на меня в упор – злым немигающим взглядом. Затем прикрывает глаза ладонью, долго молчит, потирает лицо рукой с надтреснувшей кожей, но отвечает уже другим – мягким, привычным тоном:

– Иди ко мне, полежим вместе.

Я тут же проскальзываю в комнату, спешу щелкнуть выключателем, и, в настороженной темноте, на ощупь, пробираюсь к маме. Она тянет ко мне руки, обнимает и укладывает под толстое пушистое одеяло. Прижимает к себе – так крепко, что я начинаю дышать одновременно и носом, и ртом. Мама отодвигается и гладит меня по голове тяжелой горячей ладонью.

– Как прошел твой день? – шепчет темнота маминым голосом.

Я тут же – чтобы закончить, наконец, эту сумрачную, се-

рую тишину, грозящую какой-то большой невыговариваемой бедой, – быстро-быстро выпаливаю про монетку, про голубей, которые совсем меня не боятся и целый день поскрипывают о своем, переминаясь с одного толстого сизого бока на другой. Вспоминаю о том, что перед маминым приходом звонила Юлька, чему-то смеялась в трубке, но ее совсем не было слышно, потому что где-то рядом, совсем близко, возмущенно лаял Мальчик – ее большая, вся в черных шелковых кудряшках, собака.

Мама снова родная и близкая. Она тихо смеется о Юльке и Мальчике, говорит, что Вера Васильевна, Юлькина мама, с ума сходит от всех этих двуногих и четвероногих, что разговаривают, смеются, бегают и лают в ее квартире дни напролет. Мама обещает разобраться с толстыми голубями и прогнать их навсегда. Удивляется монетке и говорит, что я могу оставить ее себе, и никаких черных дней не существует вовсе, и не будет их никогда. Напоследок, уже сонным, смазанным голосом, шепчет:

– Кажется, ты подружилась с нашим домовым.

Я ойкаю, вскакиваю и торможу засыпающую маму:

– Какой домовый, мамочка??? Это как Кузя из мультика?

А где он живет? А как он?..

Но мама уже не слышит. Сквозь тягучую усталую дрему, проваливаясь все глубже, тяжелея, расслабляясь, она бормочет:

– Купи себе завтра все, что захочешь, доченька. Купи сла-

достей.

* * *

– Если честно, я совсем не поверила маме! Вернее, вечером поверила, а утром разверила! – заявляю я, усаживаясь на скамейку между Юлькой и Алимусей. Едва проснувшись, я с нетерпением ждала нашего полевого совещания. – Она просто забыла про денежки в своем плаще...

– А вот и зря! – как всегда, громко и с вызовом, спорит Юлька. – Домовые есть на самом деле, просто не все взрослые о них знают! Вот твоя мама знает, а моя, например, нет.

Юлька тоже взрослая, старше меня на целых три года и краешка в пару весенних месяцев. У нее всегда наготове правда жизни и ценный совет, вот только она постоянно горючится – к месту и нет. И сейчас она вскакивает, машет руками, двигает смешно выразительными пушистыми бровями.

– Ты сама говорила, что твоей маме задерживают зарплату! Моей тоже! – Юлькина мама работает в школьной библиотеке, да и дома у них целая комната, набитая до потолка книжными полками. – А если у твоей мамы нет денег, как она могла забыть про эту монетку? Да еще и в плаще, который постоянно носит! Скажи? Вот скажи? Позавчера я видела твою маму в этом самом черном плаще! Своими глазами видела! Этими самыми глазами!

Юлька приближает ко мне свое лицо, зеленые, с серыми переливами, глаза – смотри, мол. Я легонько щелкаю ее по носу, она смеется и отстраняется.

– А у тебя есть домовый? – спрашиваю я.

Юлька морщится и безнадежно машет рукой:

– Нет, у меня же собаки! Мальчик и Динка прогонят любого домового в одну секунду. Так что так живем сами, как можем, – расстраивается она.

Я перевожу вопросительный взгляд на Алимущу. Она пугается – как всегда, когда на нее обращают внимание, и машет головой:

– У меня же кот! А он такой наглый, знаешь, никого больше не потерпит дома. Нас еле терпит, не то что домового. В прошлом году мы взяли маленького котенка, так они подрались через час. Пришлось обратно отвезти.

Я ошарашена. Получается, бедным Юльке и Алимущу не повезло. Но у меня еще есть к ним вопросы:

– А как он выглядит, этот самый домовый?

Юлька хмыкает:

– Никто не знает, ни один человек! Его никто и никогда не видел. Но это не самое главное. – Она озабоченно вышагивает перед нами, туда-сюда, будто решает сложную задачку. – Самое главное, подружиться с твоим домовым по-настоящему, чтобы он и дальше подкидывал тебе денежку. И я знаю, как это сделать!

– Как? – одновременно спрашиваем мы.

– У тебя же осталась эта монетка? Давай сюда! – Юлька резко останавливается и протягивает мне ладошку.

– Д-да, – замираю я, но не спешу отдавать. – Я хотела купить...

– Давай-давай сюда, вместе в магазин сейчас пойдем.

Юлька снова кипит. Она уже придумала план действий, и ноги ее охватывает особенная нервная «жгучка», когда стоять на месте просто невозможно. Обреченно вытаскиваю из кармана куртки монетку и кладу ей на ладошку.

Мы поднимаемся с лавочки и идем в маленький магазинчик в соседнем доме. Сегодня там работает Черточка – худая высокая продавщица, лицо у которой все скомкано в районе носа. В ее толстом засаленном журнале, надежно спрятанном под прилавок, все о нас с Юлькой. Номера наших квартир, сумма наших долгов. А вот Алимужи в журнале нет, виноватый папа после развода, рассказывает, краснея, она, не дает им с мамой и братом обеднеть, все тащит и тащит в бывшую семью, к бывшим детям продукты, одежду, живые большие деньги.

Юлька не смотрит на Черточку. Она деловито оглядывает прилавки – большой богатый покупатель. Сделав выбор, смело тыкает пальцем:

– Нам пакет молока и вон тот маленький мед.

Черточка неохотно встает, лениво, вперевалку идет к холодильнику, достает молоко, отламывает пластиковый кубик с медом.

Юлька оборачивается ко мне:

– Что ты еще хотела купить?

– Рогалики или... или... колбаску.

– Нет, на колбаску не хватит. Давай рогалики!

Я соглашаюсь.

Черточка закатывает глаза, небрежно заворачивает в тонкую коричневую бумажку два рогалика с самого верха: с подсохшими краями, заветренные, не слишком свежие. Но даже у Юльки не хватит духу попросить Черточку дать нам мягонькие, со дна.

Мы забираем покупки и идем ко мне, подружиться с домовым. Поднимаемся на пятый этаж, и на лестничной площадке, нос к носу, сталкиваемся с Заринкой из соседней – дверь справа квартиры. Она в нарядном шерстяном платице и белых лаковых ботинках.

Заринка заискивающе улыбается:

– Девочки, привет! Вы к Айке?

Алимуша морщится и, не здороваясь, проходит мимо. Юлька удобнее перекладывает в руках пакет с молоком, останавливается и издевательски улыбается:

– Да, мы идем вызывать домового!

Зарина открывает рот от удивления и спрашивает:

– А можно с вами? Пожалуйста!

Юлькина улыбка становится шире:

– Мы пригласили весь наш двор, скоро все придут. Это так весело! И только тебе с нами нельзя, правда, Айка?

Зарина переводит взгляд на меня. Она смотрит почти с мольбой, так сильно ей хочется быть с нами, быть одной из нас. Я молчу и ковыряю носком пол, не зная, как отказать ей.

Чистенькая, ухоженная – с иголочки, ни пылинки, – она всегда гуляет во дворе одна, под бдительным присмотром матери, которая торчит на балконе и пристально наблюдает за дочерью. Раньше мы принимали ее в игру, в разговоры, поверяли свои секреты, даже взяли однажды с собой в опасную экспедицию на соседнюю замершую стройку. С этого испытания на храбрость и началась наша молчаливая теперь вражда.

Провалы окон, крошащийся цементный пол, битое стекло, лестницы без перил, уносящиеся в никуда ступени и, самое главное, самое важное, самое страшное – узкая замусоренная щель между зданиями. Не больше минуты пробежать насквозь – другим концом щель упирается в проспект. Пробежать, постоять на краю бетонного козырька, сплюнуть вниз, оценить высоту полета слюны и собственную смелость и нырнуть обратно – в тихий зеленый двор с высоченными тополями.

Испытание стройкой прошли все в нашем дворе. Заринка была последней. Она сделала несколько шагов в темноту, бодро захрустела битыми стеклами и вдруг на середине пути остановилась, затихла, замолчала. Мы подождали пару минут, покликнули – тишина, – и цепочкой, гуськом – вдвоем в щели не развернуться, – отправились ее спасать.

Заринка стояла, держа в руках порванный подол платья. В тусклом свете, освещающем щель, мы едва разглядели ее злое лицо. Она подняла на нас глаза, указала обвиняющим пальцем на железяку, торчащую в стене, ни слова не говоря, протиснулась мимо нас, чиркнув спиной испорченного уже платья по грязной бетонной стене, и вывалилась во двор. Сжимая сорванную белую оборку, оттуда, из света зеленых тополей, она погрозила нам, растерянными спасателям, кулаком и убежала.

В тот же вечер домой ко мне и к Юльке, и к Алимужке пришла Заринина мама. Она требовала с наших родителей денег за порванное платье, кричала, чтобы мы – грубые дворовые девки не смели больше втягивать ее дочь в свои игры, грозила детской комнатой милиции. После ее ухода наша троица стояла в углах своих квартир, незаслуженно наказанная, и, сжимая кулаки, выдумывала, как отомстить ябеде.

Вспоминая об этом, я молчу и трусливо ковыряю носком пол.

– Ну и пожалуйста! – говорит запальчиво Заринка. – Зато мама сегодня мне купит торт! Большой торт с шоколадным кремом! Потому что у меня сегодня день рождения, и я вас всех тоже не приглашаю!

Она дергает плечом, отворачивается и, громко, с ненавистью щелкая каблучками лаковых ботинок, спускается по ступенькам. Юлька презрительно хмыкает, но Алимужа мрачнеет. Она большая шоколадная лакомка, и ей, прямо сейчас,

до дрожи, захотелось настоящего торта, а не этих вот засохших роголиков.

– Чего стоишь? Открывай дверь! – выводит Юлька нас из оцепенения.

Я справляюсь с замком, впускаю девчонок в квартиру и захожу следом. Подозрительно осматриваюсь, но дома пусто и тихо. Юлька быстро разувается, деловито идет на кухню и начинает хозяйничать. Достает маленькое красивое блюдце из парадного мамино сервиза, вскрывает пакет с молоком, наливает до самых краев, открывает мед и размазывает его пальцем по канту. Затем, сохраняя торжественное лицо, осторожно несет и ставит блюдце на пол, в углу возле плиты, манит меня пальцем к себе, поближе:

– Подливай молочко каждый вечер и оставляй на ночь, – командует она.

– А чай он не пьет? – спрашиваю с надеждой.

Юлька задумывается, но тут же отрицательно машет головой:

– Про чай я ничего не знаю, но лучше не рисковать!

Мы втроем садимся за стол, едим роголики, пьем холодное молоко – Юлька наливает нам чуть-чуть. Смеемся, дразнимся, рассказываем удивительные истории, слушаем, как за окном серебристыми голосами поют тополя.

– Ты что, принесла домой уличную кошку? – спрашивает мама вечером, кивая на блюдце.

Из открытой форточки льется теплый ветер, ерошит ко-

роткие мамины волосы, потихоньку, ласковыми невидимыми пальчиками распрямляет морщинку между ее бровей.

– Нет, это для домового, мамочка. Юлька сказала, что мы подружимся, если он будет каждую ночь пить молочко.

– А кипятить молочко для него не нужно? И для тебя заодно, а то заболете дружно бруцеллезом.

– Ой, мама, ну что ты всегда такая доктор! Он же волшебник, и никаким, – спотыкаюсь о новое слово, – целезом он заболеть не может. И нам с тобой это молочко пить нельзя, это только для него.

Мама закатывает глаза, встает, вынимает из холодильника пакет, переливает молоко в кастрюльку и ставит на газ. Я вздыхаю и думаю о том, что все пропало, потому что теперь на молоке будет противная пенка, и домовой, конечно, пить его не будет. И дружить со мной тоже.

Но я молчу. Услышав про Юлькин ритуал, мама немножко повеселела, просветлела лицом и стала похожа на себя прежнюю. Сегодня она пришла домой еще до сумерек, с пустым пакетом, в котором, тихонько убедилась я, снова не было ни больничных карточек, ни вкусных взяток. Пришла и, растирая покрасневшие, опухшие, как будто замерзшие пальцы, бескрыло опустилась на кухонный табурет.

* * *

Проснувшись следующим утром, я резко – будто брызга-

ми краски во все стороны, – вспоминаю вчерашний день. Неловко сползаю с кровати, торопясь, не попадая в тапочки, надевая их кое-как, отстающими хвостиками, бегу на кухню. Застываю столбиком возле блюда, из которого кто-то отпил ночью половину молока! Зажимаю рот ладошками и тихонько хихикаю, а затем бросаюсь в коридор – звонить Юльке.

Юлька на том конце провода ахает и довольно смеется. Напускает в голос строгости, наказывает мне не терять времени и искать подарочки.

Повесив трубку и затаив дыхание, я подхожу на цыпочках к маминому плащу. Обнимаю его, по привычке вдыхаю запах, слушаю, как недовольно хрустит скользкая черная ткань, и, наконец, решившись, медленно просовываю дрожащие, вспотевшие вдруг руки в карманы.

Пусто. Обшариваю карманы еще и еще раз, затем догадываюсь, что Домовой мог припрятать свои сокровища в другом месте. Поиграть со мной, отомстить за нехорошую пенку в молочке.

Весь день я очень-очень занята. Обыскиваю карманы маминого зимнего пальто – коричневого, с белым прореженным мехом на воротнике. Ощупываю свою весеннюю и зимнюю курточки, встряхиваю и переворачиваю подошвой вверх всю обувь. Вытаскиваю и, чихая, складываю обратно пыльные книги. Лежа на животе и пыхтя от натуги, проминаю пальцами всю-всю – липкую и сырую темноту под ванной. Залезаю в подсобку с ногами, заглядываю в дальние

уголки шкафа с одеждой, шкафов с посудой. Лезу даже в духовку. И только под кроватями посмотреть не решаюсь. Там слишком темно даже днем.

К сумеркам, когда приходит мама – пустой пакет, черствая морщинка между бровей, – я почти не могу шевелиться. Ноги, руки, голова весят тонну, и сама я – надутая, наполненная обидой и пыльной, тяжелой усталостью. Мама смотрит на беспорядок, но ничего не говорит, не ругает, и мне становится еще обиднее. Перед сном я все же доливаю в блюдечко молока и медленно плетусь в кровать, под холодное одеяло.

Засыпая, я слышу, как, сдерживаясь, глухими, вдавленными в подушку всхлипами, плачет мама. Хочу встать, подойти к ней. Но руки и ноги продолжают вяло лежать на простыне, в сердце гудит обида на весь мир, на Юльку, на Алимущку, обещавших мне чудо, и даже на маму, которая, кажется, больше совсем меня не любит. Я проваливаюсь в темноту, и через секунду наступает утро следующего дня.

Молоко из блюдечка равномерно исчезает в среду, в четверг, пятницу, субботу, воскресенье и еще целую неделю подряд. Я упрямо подливаю его каждый вечер, перед самым сном. Но монетки не появляются, а во вторник молоко из пакета заканчивается. Мама предлагает купить еще, пытается гладить меня по голове, обнимать, но я отказываюсь и от молока, и от объятий. Монеток нигде нет, дружба не задалась, и я решаю с завтрашнего дня прекратить ежедневные обыски. Но перед этим мне нужно высказать этому наглому

прожорливому Домовому все, что я о нем думаю.

Дожидаюсь, пока мама ляжет и уснет – в последнее время она засыпает чуть свет, намного раньше меня, а во сне беспокойно разговаривает, доказывает кому-то невидимому, что она права.

Я иду на кухню, встаю рядом с блюдечком, еще полным молока до краев, – последней порцией, широко расставляю ноги, чтобы чувствовать себя уверенней, упираюсь кулаками в бока и ругаюсь вслух:

– Ты почему так себя ведешь нагло? А? Отвечай, давай! – Вспоминаю, как меня ругают тетка и бабушка, выражения их лиц, их слова. – Пьешь молочко и ничего не делаешь. На хлебник!

Самое обидное слово, что я приберегала напоследок, да и все остальные ругательные слова звучат почему-то тонко, прозрачно, жалостливо. Совсем не так, как у взрослых. Кулаки сами собой разжимаются. Вздохнув, я сажусь на пол рядом с блюдечком, поджимаю к себе коленки и долго-долго молчу.

Сижу и думаю о том, что мы с мамой совсем раздружились с тех самых пор, как она впервые пришла домой без больничных карточек. Конечно, хорошо, что теперь она дома всегда так рано и не сидит больше ночами, заполняя быстрыми неразборчивыми буквами «больные» тетрадки. Зато пьет какие-то таблетки, тихо жалуется самой себе на то, что «тянет» ноги, «дергает» коленку – с каждым днем все силь-

нее. А мамины руки будто все время мерзнут. Они большие, шершавые, красные – страшно дотронуться. Сама не замечаю, как начинаю думать вслух:

– А колбаску мы с тобой так и не купили, правда? Я бы обязательно с тобой поделилась, я не жадина. И колбаской, и шоколадными конфетками-капельками. Я знаю, знаю, ты пьешь только молочко, но вдруг тебе бы понравилось?

Ежусь, на полу сидеть холодно и твердо, но продолжаю:

– Если мы с тобой подружимся, я куплю маме теплые варежки, чтобы ее пальчики больше не мерзли. И много еще чего куплю, даже не у Черточки, а в большом красивом магазине, который недавно открылся. Мы с Юлькой проходили мимо, я хотела зайти, но она заторопилась вдруг домой, выгулять Мальчика, хотя они гуляют только по утрам, а тогда был обед.

Я тебе расскажу маленький секрет, хочешь? Только обещаю, что не проболтаешься? Когда я искала монетки в кухне, я нашла пакет с мукой и решила приготовить бауырсаки, такие же, как бабушка делает. Вкусные, золотые, один съешь – невозможно остановиться. Я сделала все-все правильно! Вылила в муку воду и долго-долго мешала большой ложкой и даже руками. Тесто почти приготовилось, но тут пришла мама! И я, чтобы она не обрадовалась раньше времени, спрятала миску с тестом в духовку. И совсем о ней забыла, а вспомнила сегодня, представляешь? И когда я достала...

Слышу за спиной какой-то звук и испуганно оборачива-

юсь. В дверях кухни стоит мама.

– Ты все слышала, мамочка?

Она кивает, подходит ко мне, поднимает с пола и усаживает на табуретку. Затем открывает дверцу духовки и вынимает миску с уродливыми кляксами засохшего теста. Колупает ногтем одну из клякс, но та схватилась намертво.

– Ну, все, не отмыть, можно выбрасывать, – говорит задумчиво мама и, приподняв одну бровь, смотрит на меня. Я виновато опускаю голову.

– Я тебя обязательно научу делать тесто. Не такое вкусное, как у бабушки, но тоже настоящее. Мы с тобой напечем или наготовим чего-нибудь вкусного, у меня завтра короткий день. Ты поешь сама, угостишь своего домового и девочек, хорошо? А твой клейстер... – Я вопросительно поднимаю глаза и вижу, как мама старается не засмеяться. – Ладно, пойдем спать, завтра рано вставать.

Засыпая, я думаю о том, что дома есть немножко маргарина, а вот муки больше нет. Гадаю, как собралась мама делать новое тесто. И еще, тихо-тихо, почти про себя, желаю спокойной ночи домовому.

* * *

На следующий день мама, как и обещала, приходит так рано, что закат еще только начинает поджигать тополя за окном. Она весело и длинно жмет на звонок и, слыша, как я

подбегаю, кричит смеющимся запыхавшимся голосом:

– Открывай скорее!

Я опрометью бросаюсь сначала на кухню, притащить верную табуретку. Забираюсь на нее, расщелкиваю верхний замок, затем нижний, торопясь, распахиваю дверь. Мама стоит светлая, улыбчивая, озорная, а в руках у нее – ого-го! огромный незнакомый пакет, набитый так, что вот-вот разорвется.

– Ты нашла все карточки? – удивляюсь я.

– Кое-что получше! А ну-ка, брысь с дороги, ребенок!

Мама перешагивает порог вперевалку – пакет тянет, заметно хромот на левую ногу с занозой-коленкой, но ее как будто совсем не заботят ни нога, ни тяжесть ноши. Пока она разувается, моет руки, переодевается в домашнее, я любопытной белкой кручусь рядом. Громыхаю табуреткой, ставя ее на место, подаю полотенце, несусь с тапочками, ненужно, по привычке, включаю везде свет и выключаю снова, пытаюсь снова и снова заглянуть маме в лицо, прижаться к ней, повиливая невидимым, будто отросшим вдруг хвостиком.

Наконец, жадно попив воды и помассировав коленку, мама с таинственным видом, весело глядя мне в лицо, раскрывает пакет и выкладывает его содержимое перед моим любопытным носом.

Я замираю, будто примерзнув к полу. На столе один за другим появляются: большой круг остро пахнущей конской колбасы, бордовая, в мелких прожилках, говядина, треугольный ломоть сыра с большими дырками, плетеная хала, посы-

панная коричневыми семечками, полурастаявший, чуть смятый брикет настоящего сливочного масла. Смешные, каждый враскоряку, болгарские перцы, глянцевые пузатые луковицы, картошка, джусай – толстенькими ярко-зелеными охапками, помидоры и огурцы, застенчивые груши, зардевшиеся с бочка, ягодки физалиса, подглядывающие из-под паутинчатой полупрозрачной фаты. Манная крупа – фу, взрослый творог и мой – сладкий творожок с изюмом, кефир, молоко, сметана, несколько шариков – слюнки потекли, – соленого курта и засушенные яблоки – для компота. Конфеты и сплюсненные шоколадки – веселой разноцветной рекой.

Напоследок мама достает со дна пакета белую обувную коробку и протягивает ее мне.

Я хватаю подарок двумя руками, прижимаю к себе. Осторожно открываю крышку и вижу светло-серые ботинки с маленькими выбитыми на мягкой коже цветочками, вкусно пахнущие новенькой резиновой подошвой. Ловкая обувка, в которой и скоком по лужам, и медленно, важно, по солнечному асфальту, и, каблучками, перестуком, вниз по стремительным ступенькам. И во двор, и в простор, и в гости, и на край света.

Я поднимаю глаза, еще раз оглядываю заваленный разноцветной едой стол, ласкаю пальцами гладкую коробку, и из моей груди вдруг рвется громкий, прерывистый, счастливый вздох:

– Ой, мама!

И больше я ничего сказать не могу. Внутри становится щекотно-щекотно, будто воздух в животе наполняется пузырьками. Совсем как при игре в прятки, когда стоишь, затаившись, за большим толстым деревом или в полутьме сиреневого куста – в самой его гуще и стараешься не дышать, чтобы тебя вовек никто не нашел.

Через час наша кухня преобразается. Нет-нет, на первый взгляд, все на своих местах. И ряд белых шкафов под потолком, и моток бельевой веревки на высоком гвоздике – для воскресных стирок, и широкий подоконник, весь в чешуйках и трещинках старой краски. Но старенький холодильник в углу набит продуктами сверху донизу, с непривычки кряхтит и железно тренькает, привыкая к приятной тяжести в металлическом пузе. На столе не найти свободного места: разделочные доски в мясных соках, хвостики и кожурки от овощей, смятые пакетики и конфетные фантики, веселые разноцветные крошки, прибежавшие невесть откуда.

Мама стоит возле плиты, подвязанная по поясу старой блузой. Она внимательно следит за плитой, где разлежся разномастный кухонный народец. Казанчик, в котором, утопая с головой, вкусно булькает конская колбаса. Сковородка с шипящим, уже почти стаявшим, сливочным маслом – еще минутка, и мама кинет туда полукольца лука, картошку, перцы, помидоры, баклажаны. И получится овощное рагу, которое хоть ложкой ешь, хоть на хлеб намазывай, все одно, блаженство. На дальней конфорке в глубокой узкой кастрюльке

кувыркаются дольки сушеных яблок, будущий компот.

Мне хочется, чтобы скорее наступил вечер, когда все кипящее, дымящее, пахнущее до самого потолка, занавешивающее окна неплотным паром, приготовится и ляжет на стол – в красивые тарелки. Мама обещала, что мы вытащим праздничную скатерку, закроем ею белую, надоедливую, щербленую поверхность будничного стола.

Праздник выливается и в прихожую. Масляными жаркими запахами, особым густым духом разгоряченной плиты, отблеском светло-серых новехоньких ботиночек, стоящих на парадном месте, – на расстоянии от остальной, прижившейся уже и скучной обуви.

Звонит телефон – Юлька вызывает во двор. Я отпрашиваюсь погулять, спрашиваю, можно ли надеть обновку. Мама весело кивает – «только недолго!» и сует мне в руки большую горсть сладостей и фруктов. Я звонко чмокаю ее в щеку, мама притворно грозит пальцем, открывает мне дверь и, прислонившись к косяку, с улыбкой смотрит, как я – темные волосы опутаны рыжими закатными нитями, – подпрыгивая, напевая и любуясь ботиночками на каждой ступеньке, спускаюсь вниз.

* * *

Кажется, даже в свой недавний день рождения я не чувствовала себя лучше. Важно прохаживаюсь перед Юлькой и

Алимушей. Они не сводят глаз с моей обновки. Хвалят и выбитые на коже цветочки, и толстую резиновую подошву, и даже мою походку – как будто новую, значительную, взрослую. Алимуша вгрызается в шоколад, прямо так, в целую плитку. Юлька кувыркает на языке сразу два леденца – апельсиновый и клубничный, а в правой руке крепко сжимает сочную надкушенную грушу. Я облизываюсь, но сама не ем – у меня дома еще много, да и овощное рагу скоро-скоро, а девчонки – пускай наедаются!

– А моей маме зарплату так и не выплатили, – говорит Юлька. – Мне кажется, вам ваш домовой помог. Ты же говорила, что он больше не подкидывает монетки, значит, он решил по-другому сделать. Кар-ди-наль-но!

Последнее слово Юлька произносит с явным удовольствием, по слогам. Мы просим объяснить, что это значит, но она мнетя и быстренько закладывает в рот новый леденец, умудряясь одновременно еще раз куснуть грушу. Алимуша доканчивает шоколад и глазами уже целится в следующую плитку.

Я раздумываю: может, все-таки съесть одну конфетку? Живот пустой, туда все влезет. Но мужественно сдерживаюсь, вдруг кто-нибудь еще из девчонок придет, на всех не хватит.

Как будто услышав мои мысли, около подъезда появляется Заринка. Она хочет было пройти мимо, но я подзываю ее, решая, что в счастливый день нет места старым обидам:

– Иди к нам, угощайся!

Юлька цокает языком, но я, не обращая на нее внимания, беру Зарину за руку и подвожу к нашей скамейке.

Она скользит взглядом по моим ботиночкам, настороженно оглядывает конфеты, шоколад, жующих девчонок:

– А что вы празднуете? – спрашивает тихим тонким голоском.

– Ничего не празднуем! Просто Айка нас угощает сегодня, ее мама купила кучу вкусностей для нас, – отвечает Алимуща.

Юлька молчит и, чувствуя я, сдерживается, чтобы не сказать что-нибудь резкое, гадкое.

Зарина наклоняется к скамейке, берет в руки шоколадку, разглядывает ее и вдруг резко бросает на землю. Юлька вскакивает и кричит, потрясая надкушенной грушей:

– Ты что делаешь?

Заринка поворачивается и, глядя мне в глаза, отвечает:

– Знаешь, откуда у твоей матери теперь деньги? Она моет полы и полки в большом новом магазине. Моя мама видела. Она посмеялась над вами и сказала: теперь в нашем доме живут грязные поломойки, этого еще не хватало! Видимо, не вышло из нее врача, вот и машет теперь тряпкой.

На ее лицо появляется противная улыбка. Зарина наслаждается эффектом. Она с вызовом смотрит на Юльку, что так и застыла с поднятой надкусанной грушей, на Алимущу, которая вдруг закрывает лицо руками, и, наконец, на ме-

ня. Под ее взглядом мои щеки взрываются красным огнем, а взгляд сам, против воли, виновато опускается вниз.

Заринка разворачивается и уходит. Мы смотрим ей вслед. На ее прямую, аккуратную спину в нарядном голубом платье, на толстенькую кудрявую косичку, прыгающую по лопаткам.

– Айка... – произносит тихо Юлька и делает шаг ко мне.

– Не-ет! Отойди! Отстаньте от меня! Вы все знали! Ненавижу вас всех!

Я резко разворачиваюсь и иду к своему подъезду. Домой. Мне нужно домой прямо сейчас. Ворваться, рассказать все маме, чтобы она всплеснула от удивления руками, обняла меня и сказала, что Заринка придумала ерунду. Я взлетаю на второй этаж, на третий, на четвертый, но на пятом вдруг замедляюсь, останавливаюсь и сажусь на ступеньку.

Все это правда. У мамы больше нет больничных карточек. Она больше не ходит вечерами по вызовам и все это время совсем не читает своих медицинских книжек. В ее пакете больше нет вкусных «взятки». И красные мамины руки опухают от того, что она полощет грязные тряпки, а потом машет ими под ногами у Зариной мамы и других людей. Мама плачет ночами, потому что ей стыдно. И все это время мама мне врет.

Мама – поломойка. А я – дочь поломойки.

Я поднимаюсь со ступеньки и иду вперед.

Вставляю ключ в нижний замок, дверь открывается. На лестничную площадку сразу вырываются аппетитные запахи вареной конины, тушеного рагу, оранжад уже совсем вечернего, теплого, манящего электрического света.

Захожу на кухню. Раскрасневшаяся мама выкладывает на стол нарядные белые тарелки и что-то тихонько напевает. Она поднимает глаза:

– Пришла, доченька! Мой руки и... Что случилось?

Я молчу. Глаза заволакивает пелена злых слез, я стараюсь их, резко дергая головой, и кричу:

– Это правда? Ты не доктор больше? Ты моешь полы?

Смотрю на маму в упор, но вижу только ее силуэт – глаза наполняют новые – теперь перченые, острые – иголками в сердце, – слезы. Силуэт мамы опускает голову. И я продолжаю. Криком, чтобы показать, рассказать ей о том, как мне больно:

– Мне Заринка сказала, что ты моешь полы в большом магазине! Машешь тряпкой! Моешь полы!

Силуэт мамы отходит от меня и прислоняется к подоконнику. Из него, из этого туманного пятна с маминой фигурой, доносится холодный спокойный ответ:

– Да, мою полы. Это правда. Я ушла из поликлиники, потому что на зарплату участкового врача мы не смогли бы с

тобой жить дальше. Тебе нужна новая одежда, ты не можешь вечно ходить в тех старых вещах, что нам с тобой отдают теть Лаура и бабушка. Нам нужно нормально питаться.

Силуэт отворачивается и смотрит в окно:

– Сейчас такое время, дочь, сложное. Когда оно закончится, я снова буду работать доктором. Наверное. Но сейчас так надо. А в магазине очень хорошо платят. Они обещали, что зарплата будет всегда вовремя. Мне не нужно выпрашивать больше деньги, которые я зарабатываю. Это честная работа, и ты не должна меня стыдиться.

Я слушаю мамины взрослые слова, чувствую в них правду, которая не вмещается в меня, в светлую ароматную кухню, в нашу маленькую квартиру, во двор за синими окнами, в тот мир, который я знала, чувствовала и любила до сегодняшнего дня. Слезы вытекают, сочатся по щекам, очищают глаза, и темный силуэт у окна снова превращается в маму. Маленькую усталую маму с красными распухшими руками, в старой блузке вместо фартука. Мне становится жаль и ее, и себя, но от этой жалости во мне снова рождается невысказанная до конца, темно-желтая, ядовитая злость.

– Мой руки, и будем ужинать. Смотри, сколько всего вкусного я приготовила! – печально, просительно говорит мама. – А твоему домовому я налила свежего молочка, за это он прислал тебе подарок.

Она кивает в уголок пола возле плиты, где стоит блюдце, а рядом блестят, мигают серебристые монетки – целой рос-

сыпью.

Темно-желтая злость во мне вскипает, оставляя грязную противную пенку на поверхности.

– И про домового ты мне тоже врешь! Ты все врешь! Поломойка! – Я бросаюсь к блюдечку, хватаю его, расплескивая уродливые белые кляксы, и со всей силы швыряю его о пол.

Блюдец раскалывается, осколки летят по кухне, один из них вонзается в мамину ногу, выше выпирающей круглой косточки. Мама ахает и удивленно смотрит, как из-под торчащего осколка начинает капать густая бордовая кровь.

Я в ужасе пачусь – назад, назад, в темный коридор, не отрывая взгляда от багровеющего осколка. Наткнувшись спиной на дверь, резко разворачиваюсь, нащупываю ручку, держу ее, вылетаю на лестничную площадку и в панике бросаюсь прочь из дома, в котором я только что убила свою мать.

* * *

Выбегаю из подъезда – на улице густые холодные сумерки, как будто солнечный закатный мир вдруг мигнул, испортился и стал черно-белым. Залезаю в ближайший палисадник, бреду к разлапистому, со множеством тонких кривых стволов, кусту сирени, встаю на коленки и по влажной, холодной земле, лезу поглубже, так чтобы листья и тени закрыли меня от чужих глаз. Самое верное место, чтобы спрятаться.

Сажусь на землю и опускаю голову. Меня трясет, но слез

больше нет. Глаза сухие и колкие. Ноги в неразношенных ботинках больно щиплет. Развязываю шнурки, скидываю обувь, оставляю ее от себя подальше. Я не заслужила подарков. Меня скоро посадят в тюрьму. До конца жизни. Или отдадут в дом, где живут дети, у которых когда-то были, а теперь нет никаких мам.

Ложусь, чувствуя под лопаткой какой-то неудобный корень, подтягиваю к себе ноги в тонких носках. Наверное, будет лучше, если я умру прямо здесь и сейчас. И тогда никто не узнает, как я обидела маму, что я с ней сотворила и какой гадкой была. Зарываюсь лицом в мягкую землю, чтобы слиться, раствориться в ней, стать невидимкой и сгинуть навсегда.

Вдруг я слышу мамин голос. Живой, взволнованный мамин голос, который зовет меня совсем рядом, возле подъезда. Имя – тишина. Имя – тишина. Затем голос удаляется, гложет, но звучит все испуганнее, все более одиноко. Я выползаю из ставшего ненужным убежища. Сначала на четвереньках, цепляясь рвущимися носками о корешки и веточки, затем нетвердо встаю на дрожащие ноги – куда делась из них вся сила? – выхожу из кустов, огораживающих палисадник, на асфальт – колючий, будто успевший заледенеть, и жду. Не откликаюсь – на это у меня нет ни права, ни сил. Просто жду, когда вернется мамин голос.

Он появляется с другой стороны, запыхавшийся, плачущий, срывающийся. Вижу маму – все в той же старой блузе,

повязанной поверх домашнего платья. Она бежит, хромая, неловкая. Видит меня, всплескивает руками и почти добега-ет, резко останавливаясь в одном шаге, словно не осмелива-ется приблизиться, коснуться.

Молчит, дышит часто. Будто бы ждет моего приговора.

Я слышу свой голос – трясущийся, заледеневший, хрип-лый:

– Прости меня, мама.

Хочу сказать ей – маленькой, испуганной, что больше не верю в домовых, да и не нужны они мне. И ничего не нужно – лишь бы мама была всегда. С черствой морщинкой между бровями, с пустым пакетом, с красными, измученными ру-ками. Я хочу сказать все это, но в горле начинают хрипеть и булькать другие слезы – сухие, комковатые, засохшими пле-ночками.

Мама молча подходит, берет меня на руки – я обхватываю ее ногами, склоняю голову на ее плечо и засыпаю, уже не чувствуя, не слыша, как она медленно поднимается по сту-пенькам.

Всю ночь за окном идет дождь. Он прогоняет с нашего подоконника толстых голубей, беспокойными фарами ноч-ных машин светит в нашу комнату. Подглядывает за тем, как мама баюкает меня на руках до самого рассвета и тихонь-ко, попеременно с тягучей колыбельной, шепчет, что скоро я пойду в школу, а затем в университет, стану большой, взрос-лой и очень-очень счастливой.

Дождь затихает, и к обеду от него не остается никаких следов, кроме грязных, разбухших, безнадежно испорченных светло-серых ботинок с вдавленными цветочками по коже, оставшихся под кустом сирени доживать свой недолгий век.

Оксана Заугольная.

Охота на Бена Ганна

Джон Сильвер устало потер виски и уставился на карту. Без помощи Бена Ганна они будут сотни лет блуждать по бескрайнему пространству. Надежды и так почти не осталось. Но сдаваться он не собирался. Не в его правилах. Чуть морщась от фантомной боли в отрезанной ноге, он нажал на кнопку и четко произнес:

– Я жду на капитанском мостике.

И не нужно упоминать, кого он ждет и зачем. Все и так знали. Корабль замер в безмолвном ожидании, вся команда оцепенела после смерти Смоллетта. Казалось бы, старикан давно лишился ума и только бормотал что-то себе под нос, если приходил в сознание, а большую часть времени попросту лежал овощем на больничной койке под внимательным присмотром доктора Ливси и Джима. А поди ж ты. Будто эпоха ушла.

Впрочем, Сильвер не обманывался. Со смертью капитана Смоллетта все становилось иначе. Даже не так. Дело было не в смерти как таковой. Но с того момента, как его бережно завернутое тело было по всем морским законам отправлено за пределы шлюза, все шло наперекосяк. Сильвер не был готов к переменам сейчас, и это знали многие на корабле. Даже крысы. Особенно крысы.

Дверь с легким шелестом отъехала в сторону. Сильвер уставился на открывшийся проем. Так и есть, молодая крыса. Не то чтобы он был удивлен, увидев ее, но... Впрочем, выбирать не приходилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.